

Language and law. (Russische vertaling door Luibov Boitsova en Victoria Boitsova)

Citation for published version (APA):

de Groot, G-R. (2002). Language and law. (Russische vertaling door Luibov Boitsova en Victoria Boitsova). *Journal of Russian law*, 7, 145-152.

Document status and date:

Published: 01/01/2002

Document Version:

Publisher's PDF, also known as Version of record

Please check the document version of this publication:

- A submitted manuscript is the version of the article upon submission and before peer-review. There can be important differences between the submitted version and the official published version of record. People interested in the research are advised to contact the author for the final version of the publication, or visit the DOI to the publisher's website.
- The final author version and the galley proof are versions of the publication after peer review.
- The final published version features the final layout of the paper including the volume, issue and page numbers.

[Link to publication](#)

General rights

Copyright and moral rights for the publications made accessible in the public portal are retained by the authors and/or other copyright owners and it is a condition of accessing publications that users recognise and abide by the legal requirements associated with these rights.

- Users may download and print one copy of any publication from the public portal for the purpose of private study or research.
- You may not further distribute the material or use it for any profit-making activity or commercial gain
- You may freely distribute the URL identifying the publication in the public portal.

If the publication is distributed under the terms of Article 25fa of the Dutch Copyright Act, indicated by the "Taverne" license above, please follow below link for the End User Agreement:

www.umlib.nl/taverne-license

Take down policy

If you believe that this document breaches copyright please contact us at:

repository@maastrichtuniversity.nl

providing details and we will investigate your claim.

Язык и право

Герард-Рене де Гроте¹

Язык и право находятся друг с другом в сложных взаимоотношениях. В современных обществах большинство норм права являются писаными. Они сформулированы в законах или могут содержаться в судебных решениях. Трудно представить современное общество без печатных юридических текстов. Но даже в традиционных обществах с неписаным обычным правом формулируются юридические нормы: определяется существование обычных норм. Даже в таких обществах мы наблюдаем тесные взаимоотношения между правом и языком.

¹ Герард-Рене де Гроте, профессор Университета Маастрихта (Нидерланды). Читает в Университете Маастрихта курсы лекций «Сравнительное право», «Введение в немецкий юридический язык», «Международное частное право», «Право гражданства». Академический координатор в области европейских юридических наук (Университет Ланкастера/Университет Маастрихта). Ассоциированный член Международной академии сравнительного права. Член Комитета Министерства юстиции Нидерландов по вопросам гражданского статуса и гражданства. Член Совета Ассоциации сравнительного права Нидерландов. Читал лекции в университетах Бельгии, Германии, Греции, Италии, Польши, Тайваня, Японии. Владеет нидерландским, немецким, шведским, датским, норвежским, французским, итальянским, португальским, латинским, древнегреческим, китайским, английским языками.

В основу статьи положен доклад автора на Международном Конгрессе сравнительного права: Dutch National Reports for the 15th International Congress of Comparative Law /Ed. by E. H. Hondius. Antwerpen; Groningen, 1998. P. 21—32.

Право нуждается в языке. Иногда язык влияет на право, например, в случае грамматической интерпретации положений закона.

Но право также оказывает значительное влияние на язык. Во многих странах законы, а иногда и международные договоры определяют правильную орфографию языка². Определенные юридические нормы могут предписывать, как формулировать законы, какие слова следует использовать для юридических конструкций, каких слов следует избегать и т. д.³ Иногда запрашивают авторитетное мнение юристов, а чаще судей относительно использования тех или иных слов. Они должны, например, решить, является ли употребление определенных слов диффамацией⁴.

Тесные взаимоотношения между языком и правом влекут определенные последствия для дисциплины сравнительного права. Во-первых, нужно осознать, что компаративисты все вре-

² См. о произношении слов нидерландского языка в Статуте от 14 февраля 1947 года (*Wet voorschriften schrijfwijze Nederlandsche taal* (Staatsblad. 1947. N 52), с изменениями, внесенными Законом от 6 февраля 1997 года (Staatsblad. 1997, 63) и Королевским Декретом от 19 июня 1996 года (*Spellingsbesluit*). — Staatsblad. 1996, 394.

³ См. в Нидерландах: *Aanwijzingen voor de regelgeving*, Циркуляр от 18 ноября 1993 года — *Staatscourant*. 1993, 230 с позднейшими изменениями (Циркуляр от 20 декабря 1995 года — *Staatscourant*. 1995, 251).

⁴ См., например, решение Верховного суда (HR. 1902, 21 April, W. 7764) о слове «kraai» (нидерл. — ворона (примеч. пер.).

мя нуждаются в переводах. Они должны сообщать на своем языке о содержании иностранной правовой системы и о собственной системе на других юридических языках, а во многих случаях говорят и пишут о содержании иностранных правовых систем на иностранном языке, который не является их юридическим языком. Поэтому неудивительно, что различные введения в сравнительное право сталкиваются с проблемами юридического перевода⁵. Перевод юридической информации является одним из ключевых пунктов сравнительного права.

Во-вторых, несомненно, что юридические переводы связаны с большими трудностями, чем переводы другой технической информации. Это обуславливается системным характером юридической терминологии или, говоря другими словами, очень тесной связью языка и права. Каждое государство имеет свою — в принципе полностью автономную — юридическую терминологию, даже если оно использует юридический язык, который также применяется в качестве такового и в другом государстве. В некоторых государствах действуют несколько правовых систем и, в принципе, они имеют автономную терминологию.

Специфическая системность юридического языка определяется еще и тем фактом, что в рамках одного языка часто существует несколько юридических языков, в отличие, например, от единообразия медицинского, химического или экономического язы-

ка. Язык содержит столько юридических языков, сколько существует систем, использующих этот язык как юридический язык⁶. В Нидерландах пять⁷, а, возможно, шесть таких языков, если считать нидерландский юридический язык официальным языком Европейского союза в качестве отдельного юридического языка.

Различия между юридическими языками в рамках одного обычного языка подразумевают, что значение терминов одной системы необходимо объяснить юристам, обучающимся в другой системе. Другими словами, в некоторых случаях имеется потребность в интралингвистическом переводе⁸.

Но необходимо, однако, понять, что нет непреодолимых перегородок или стен между юридической терминологией правовых систем, использующих один и тот же язык в качестве юридического языка. Конечно, законодатели часто бессознательно ссылаются на значение слова в обычном языке при использовании термина⁹. Обычный язык является, в принципе, одинаковым, поэтому и содержание его не отличается, хотя в исключительных случаях какой-либо специфический термин может не совпадать с используемым в разговорном языке. Далее, поскольку используется одинаковый язык, юристы имеют простой доступ к публикациям других правовых систем. Возможно говорить об осмосе юридической терминологии. В результате в некоторых случаях разработчики проектов законов избирают один и тот же термин для выражения параллельных

⁵Сравните следующие общие учебники: *Ancelet Marc. Utilite et methodes de droit compare*. Paris, 1971. P. 91 — 92; *Constantinesco Leontin-Jean. Rechtsvergleichung*. Tuebingen, 1971. Vol. II. P. 79—81, 164—172; *De Groot Gerard-Rene. Vertaalproblemen*. — *Kokkini-Iatridou D. Een inleiding tot het rechtsvergelijkende onderzoek*. Deventer, 1988. P. 94—102; *Gutteridge H. C. Chapter IX (The Problem of Legal Terminology)*. — *Comparative Law, an Introduction to the Comparative Method of Legal Study and Research*. Cambridge, 1949. P. 117—126; *Sacco Rodolfo. Introduzione al diritto comparato*. 4th ed. Torino, 1990. P. 27—46.

⁶См.: *Sandrini Peter. Deskriptive begriffsorientierte Terminologiearbeit im Recht. Problemstellung und Loesungsansatze von Standpunkt des Uebersetzers*, PhD thesis. Innsbruck, 1994. P. 12.

⁷То есть в правовых системах Нидерландов, Нидерландских Антилл, Арубы, Бельгии и Суринама.

⁸Сравните: *Buzelli Giovanni Emilio. General Problems in Scientific and Technical Translation*. Babel, 1970. P. 141.

⁹О взаимоотношениях между юридическим языком и разговорным языком см.: *Sandrini P. Op. cit.* P. 11—12.

понятий. Тем не менее содержание таких терминов может отличаться в деталях, поскольку две правовые системы являются все же несоизмеримыми (в корне отличными), что порождает различное юридическое толкование.

Системно-связанный характер юридической терминологии оказывает непосредственное влияние на перевод юридической информации. Здесь первоначально важным является то, что один юридический язык должен быть переведен на другой юридический язык. Это утверждение, конечно, может звучать как самоочевидное. Поэтому на практике часто даже юридические документы просто переводятся с одного юридического языка на другой обычный язык, вместо того чтобы делать перевод с одного юридического языка на другой юридический язык. Не следует при переводе с юридического языка пользоваться обычными словами целевого языка; необходимо применять юридическую терминологию целевого языка. Если он используется в нескольких правовых системах в качестве языка права, выбор должен быть сделан в пользу терминологии только одного целевого юридического языка¹⁰. Следует выбрать один целевой язык правовой системы, то есть правовой системы, которая использует целевой язык в качестве юридического языка. Выбор определенного целевого языка правовой системы должен зависеть от потенциальных пользователей¹¹ перевода. Впоследствии информация, содержащаяся в терминологии источника языка правовой системы, должна быть представлена терминологией целевого языка правовой системы. Поэтому Жан Керби¹² прав, утверж-

дая: «Юридический перевод представляет собой не только преобразование отрывка на одном языке в отрывок на другом языке, но и одной системы права в другую»¹³.

Что касается так называемых мировых языков, например, английского, французского или испанского, то выбор определенного целевого языка правовой системы в этом случае нередко затруднен. Часто переводчик не знает, кто будет читателем перевода или, что еще хуже, знает, что им может быть любой юрист, способный читать целевой язык. Однако даже в последнем случае возможно отказаться от выбора отдельного целевого языка правовой системы. Когда английский язык является целевым языком, таким языком часто будет юридический язык Англии и Уэльса или юридический язык одного из штатов США.

Как только переводчик выбрал, где это необходимо, определенный целевой язык правовой системы¹⁴, он может приступить к работе. Следует изучить значение в источниковом языке правовой системы¹⁵ терминов, подлежащих переводу, после чего термины с тем же содержанием должны быть найдены в целевом языке правовой системы. Другими словами, для терминов источникового языка правовой системы необходимо найти эквиваленты в целевом языке правовой системы.

Если в целевом языке правовой системы отсутствуют какие-либо при-

¹³ См. также: Adelo S. A. Переводчики юридических текстов и переводы. — Case and Comment, 70, № 6, the Lawyers Cooperative Publ. Co, Rochester, N. Y., 1965.

¹⁴ То есть правовая система, в которой целевой язык является юридическим языком или одним из юридических языков. Susan Sarcevic (Strategiebedingtes Übersetzen aus den kleineren Sprachen im Fachbereich Jura. Babel, 1990, p. 156) называет ее «Zielrechtsordnung».

¹⁵ То есть правовая система, в которой источник язык перевода является юридическим языком или одним из юридических языков. Sarcevic (Op. cit. P. 156) называет ее «Ausgangsrechtsordnung».

¹⁰ См.: Sandrini P. Op. cit. P. 12.

¹¹ Сандрини (Op. cit. P. 13) упоминает в этой связи «intendierte Rezipient» — подразумеваемого пользователя.

¹² Сравните: Kerby Jean. La traduction juridique, un cas d'espece. — Langage du droit et traduction (Язык права и перевод). — Essais de jurilinguistique (Очерки о юрилингвистике) / Hrsg.: Jean Claude Gemar. Montreal, 1982 (особенно с. 5.)

емлемые эквиваленты, следует искать субсидиарные решения¹⁶. В основном их может быть три:

а) перевод не делается, а используется источниковый термин или его транскрибированная версия¹⁷;

б) употребляется парафраза для описания термина источникового языка;

в) создается неологизм, то есть термин используется в целевом языке, который не является частью терминологии целевого языка правовых систем, если необходимо, в комбинации с пояснительной сноской.

В контексте этих соображений о взаимоотношениях языка и права следует сделать некоторое краткое пояснение в отношении последнего упомянутого субсидиарного решения: создание неологизма, то есть в целевом языке используется термин, который не используется или больше не используется в правовой системе, связанной с целевым языком, избранным переводчиком. Следует подчеркнуть, однако, что автор использует термин «неологизм» в очень широком смысле. Он считает неологизмом каждый термин, не при-

надлежащий к целевому языку правовой системы. Часто выражение «неологизм» используется в более узком смысле, означая каждый термин, который не существует в целевом языке. Однако более широкая дефиниция «неологизма» является логическим результатом обсужденной ранее посылки, согласно которой юридическая информация должна переводиться не с источникового языка на целевой язык, но с терминологии источникового языка правовой системы на терминологию целевого языка правовой системы, избранной переводчиком. Из этого следует, что все термины, которые не принадлежат целевому языку выбранной правовой системы, должны быть квалифицированы как неологизмы.

Трудным является вопрос о нормах, в соответствии с которыми избирается неологизм. Это не должно делаться произвольно. Следует так выбирать неологизм, чтобы содержание источникового термина было бы обозначено без применения термина, который уже использовался в целевом языке правовой системы. Юрист, представляющий целевой язык правовой системы, должен понимать смысл неологизма¹⁸. Очень полезны здесь термины, которые в прошлом имели эквивалентное значение. Другая возможность — использование

¹⁶ Некоторые авторы (Sarcevic. Op. cit. P. 156) называют их «*Ersatzentsprechungen*». Сравните также позицию другого автора о различных субсидиарных решениях (Rayar. 1993. P. 78—83).

¹⁷ Sarcevic Susan (Bilingual and Multilingual Legal Dictionaries: New Standards for the Future. — *Revue generale de droit*. 1988. P. 970 (работа также опубликована в: *Meta*. 1991. P. 615—625) называет это «заимствованием»; Sarcevic. Op. cit. Babel, 1990: «*Lexementlehnung*». См. также: Patricia Vanden Bulcke. Aspecten van de juridische vertaalproblematiek: Verantwoord «vertalen» bij gebrek aan equivalente begrippen. Enkele voorbeelden Spaans/Nederlands. — *Linguistica Antverpiensia*. 1993. P. 226; Weston Martin. The Role of Translation at the European Court of Human Rights. — *Protecting Human Rights: The European Dimension*, Studies in Honour of Wiarda Gerard J. /Hrsg. Matscher Franz, Petzold Herbert. Koeln etc., 1988. P. 685; Weston Martin. Theoretical and Practical Approaches to Translation. — *An English Reader's Guide to the French Legal System*. N.Y.; Oxford, 1990. P. 19.

¹⁸ Сравните: Sarcevic. Op. cit. *Revue generale de droit*. P. 974—975. Автор разграничивает три категории неологизмов: использование нового слова в целевом языке, придание нового значения существующему термину целевого языка и повторное введение архаичного термина. См.: Vanden Bulcke. Op. cit. P. 228. Нельзя согласиться со второй категорией и одобрить придание нового значения уже существующему термину целевого языка правовой системы. Это привело бы к неправильному пониманию. Однако следует осознать, что С. Сарсевис использует концепцию «неологизма» в более ограниченном смысле, чем в этой публикации. Использование термина правовой системы, отличного от целевого языка правовой системы, которая использует тот же целевой язык в качестве юридического языка, возможно отнести ко второй правовой категории.

терминов, которые не употребляются в целевом языке правовой системы в качестве правовых терминов, но употребляются в другой правовой системе, которая использует тот же язык в качестве юридического языка. Это утверждение нуждается в дополнительном объяснении.

Ранее прямо утверждалось, что процесс перевода предполагает перевод с юридического языка определенной правовой системы на юридический язык другой правовой системы. Если целевой язык служит в качестве юридического языка в нескольких правовых системах, выбор следует сделать в пользу одной национальной правовой терминологии. Переводчики не должны использовать терминологию системы А по одному вопросу и терминологию системы Б — по другому. Как только сделан основной выбор в пользу терминологии системы А, но не хватает нескольких приемлемых эквивалентов, допускается использовать в качестве неологизмов подходящие эквиваленты из другой правовой системы. В таком случае необходимо обозначить эти термины как неологизмы, например, прямо сославшись на правовую систему, из которой были заимствованы указанные неологизмы.

Перевод правовой информации является трудной задачей. Метод и подход юридического перевода должны быть предметом дальнейших исследований юристов-компаративистов и лингвистов. Специальное внимание следует уделить последствиям системно-связанного характера юридической терминологии для техники юридического перевода.

С проблемами юридического перевода связана необходимость разработки практического компаративного словаря для описания результатов сравнительно-правовых исследований. При описании решений определенных проблем в нескольких правовых системах важно избегать пользования типичным техническим словарем рассматриваемых правовых систем с тем, чтобы улучшить сравнимость информации. В этой связи некоторые авторы, специа-

лизирующиеся в области сравнительного права, призывают к разработке отдельного словаря сравнительного права, точнее, к разработке компаративистских концепций¹⁹. Недавно Коен ван Лаер обратил внимание на проблемы, связанные с развитием таких компаративистских концепций, в своей докторской диссертации, защищенной в Маастрихтском Университете²⁰. Автор указывает, между прочим, с одной стороны, на связь между проблемой сравнимости, «*tertium comparationis*», и представлением исследовательских результатов, и сравнительными концепциями, с другой стороны.

Язык и защита культурной идентичности лица

Официальным юридическим языком Нидерландов является нидерландский. Все законы написаны на этом языке. Тем не менее в европейской части Королевства фризский язык признан в качестве второго официального языка, который при определенных условиях может быть применен при контактах с властями после или даже вместо нидерландского языка²¹. Местный

¹⁹ См., например: Константинеско, Дробниг, Эльцбакер, Коккини-Иатридау.

²⁰ См.: *Van Laer C. J. P. Het nut van comparatieve begrippen; Een studie omtrent de toepassing van begrippen in de rechtsvergelijking. Antwerpen (Intersentia), 1997.*

²¹ См. закон об использовании фризского языка по юридическим вопросам (*Wet gebruik Friese taal in het rechtsverkeer, Statute of 11 May 1956, Staatsblad 1956, 242, с изменениями, внесенными Законом от 14 сентября 1995 года, Staatsblad 1995, 440, в силе с 1 января 1997 года*). См.: *Van Dijk Klaas J. Language Policy in Fryslan: Diverging Concepts. — The Sociology of Frisian /Ed. by Durk Gorter. — International Journal of the Sociology of Language. Berlin; N.Y.; Amsterdam, 1987. № 64. P. 37—45; Durk Gorter. Dutch State Policy Towards the Frisian Language. — Ethnic Studies Reports. Vol. VIII. № 1. Colombo (Sri Lanka). 1989, January. P. 36—47; Durk Gorter. La langue frisonne aux Pays Bas. — Giordan Henri. Les minorites en Europe, Droits linguistiques et Droits de l'Homme. Paris, 1992. Для сравнения см. также интересную статью*

язык папьяменто Нидерландских Антилл и Арубы²² и английский занимают почти аналогичное положение²³.

Фризский язык не занимает те же позиции, что и нидерландский. Он может использоваться в провинции Фрисландия в суде, в контактах с административными властями и при совершении нотариальных сделок. За пределами Фрисландии использование фризского языка в юридических вопросах весьма ограничено.

Примечательным является положение об условиях натурализации в Статуте Королевства о нидерландском гражданстве (*Rijkswet op het Nederlanderschap*, Закон от 19 декаб-

об использовании фризского языка публичными органами: *Niessen-Cobben R. Fiscaal Weekblad FED*. 1996, 451; *Jellema Gosta I., Riemersma Alex M.J. De Friese taal in het bestuurlijk verkeer en het rechtsverkeer. RegelMaat*, 1996. P. 179—184. Сравните: *Wellinga W. M. Nederlandse overheden en het Fries: taalen cultuurbeleid in Europese context*. — *De Kleine Talen in Europa, Verslag van een symposium gehouden op 18 november 1988 op het Provinsjehus te Leeuwarden, Leeuwarden; Ljouwert*, 1989. P. 43—54; *Van Rijn J. G. Het Fries in het officieel verkeer*. — *De Kleine Talen in Europa, Verslag van een symposium gehouden op 18 november 1988 op het Provinsjehus te Leeuwarden, Leeuwarden; Ljouwert*, 1989. P. 81—92; *Gorter D., van Rijn J. G., de Vries H. Autochtone taalminderheden, Juridische en bestuurlijke verkenningen, Verslag van de studiedag op 17 november 1989 in Leeuwarden. Leeuwarden; Ljouwert*, 1990.

²² На креольском языке, основанном на испанском, говорят на островах Кюрасао, Бонайре и Арубе. Папьяменто также испытал влияние португальского и нидерландского. Примерно 25 процентов слов имеют нидерландское происхождение.

²³ Однако примечательно, что использование этих двух языков в административных и юридических вопросах до настоящего времени не регулировалось каким-либо законом. См.: *Narain Goretti. Taaltalent in ontwikkeling. Een studie naar het papiamentu en het Nederlands in de kleuterperiode op Curacao en in Nederland*. Tilburg University Press, 1995. P. 23.

ря 1984 года, *Staatsblad* 1984, 628), вступившем в силу 1 января 1985 года. Согласно подразделу 1d ст. 8 одним из условий является достаточно осмысленное владение нидерландским языком или — если заявитель живет в Нидерландских Антиллах (Арубе) — языком, обычно используемым на острове после нидерландского языка. На некоторых островах таким является английский, на других — язык папьяменто. Это исключение о достаточном владении нидерландским языком подчеркивает признание важности обоих языков на Карибских островах. Однако удивительно, что никакие аналогичные исключения не были сделаны для заявителей, живущих в провинции Фрисландия, принимая во внимание, что фризский язык может употребляться при контактах с властями в этой провинции²⁴.

Лица, которые не говорят по-нидерландски (или по-фризски), могут использовать свой язык в судебных производствах или при контактах с властями, но, когда речь идет о властях, суд может запросить перевод. В подпункте 2 статьи 4:5 Закона об общем административном праве (*Algemene wet bestuursrecht*) говорится о таких заявлениях: «Если заявление или связанная с ним информация или документы представлены на языке, отличном от нидерландского языка, и необходим перевод для того, чтобы дать оценку заявления или подготовить решение, административная власть может принять решение не рассматривать заявление при условии, что заявителю была предоставлена возможность детализировать заявление при помощи перевода в течение срока, предписанного административной властью».

²⁴ О более критических замечаниях по вопросу о том, что для натурализации требуется, чтобы заявители, проживающие в провинции Фрисландия, продемонстрировали достаточное владение нидерландским языком, см.: *De Groot Gerard-Rene. Nationaliteitswetgeving. — Personen en familierecht* (loosleaf edition). Deventer (Kluwer). Art. 8. № 6.

Итак, перевод зависит в значительной мере от лингвистического мастерства служащих, которые должны принять решение по заявлению. Часто не запрашивается никакой перевод, если документы составлены на английском, французском или немецком языках либо не являются слишком сложными по содержанию.

Сходная норма в отношении использования иностранных языков содержится в пп. 3 ст. 6:5 Закона об общем административном праве, которая касается формальных возражений против решения административной власти и апелляции: «Если уведомление о возражении или жалоба подается на иностранном языке и перевод необходим для надлежащего рассмотрения возражения или жалобы, лицо, его подавшее, должно обеспечить перевод».

Перевод должен быть передан суду (см. ст. 6:6).

Самое общее правило об использовании иностранных языков административными властями предусмотрено ст. 2:6 Закона об общем административном праве.

Весьма либеральная позиция в отношении использования иностранных языков по юридическим вопросам также проявляется в том, что не запрещено, например, совершать нотариальную сделку на иностранном языке, если нотариус способен читать и писать на соответствующем языке²⁵.

Применение родного языка при ведении коммерческой деятельности не запрещено. Примечательной является ст. 14, а именно ее параграф 3, Королевского декрета о консервированных фруктах от 5 декабря 1991 года (Warenwetbezluit Verduurzaamde vruchtenprodukten. — Staatsblad. 1992, 12), действующий с 15 марта 1992

²⁵ См.: Ст. 29 Закона от 9 июля 1842 года (Wet op het notarisambt) (Staatsblad. 1842, 20) с изменениями, внесенными Законом от 28 декабря 1989 года (Staatsblad. 1989, 616 juncto Staatsblad. 1991, 606 (в силе с 1 января 1992 года: «De akten kunnen worden verleden in de taal, welke partijen verkiezen, mits de notaris dezelve versta»).

года, который предусмотрел, что хотя в принципе название продукта должно быть указано на нидерландском языке, также разрешено указывать название продуктов на иностранном языке (но латинскими буквами вместе с изображением соответствующего фрукта).

Язык в контрактном (международном) праве

Возможна ситуация, когда лицо, не знающее языка, на котором составлен контракт, тем не менее подписывает его. Впоследствии содержание деталей контракта, например, ссылка на общие условия, может вызвать у него удивление.

Эта проблема обсуждалась профессором Э. Хондиусом²⁶ еще двадцать лет назад в связи с применимостью общих условий в случае, когда лицо, которое заключило контракт, не сочло нужным сослаться на общие условия, поскольку не могло прочесть эту ссылку ввиду использования иностранного языка. Как авторы, так и суды признают, что ссылка на иностранном языке может быть обязательна²⁷. Некоторые авторы полагают, что сторона не связана общими условиями, только если язык ссылки или общих условий отличается от языка переговоров сторон. Э. Хондиус подчеркивает, что точка зрения, согласно которой сторона может быть связана общими условиями, сформулированными на иностранном языке, соответствует потребностям торговли, особенно в стране, в которой многие международные договоры заключаются на иностранных языках.

Другой вопрос — роль языка контракта в установлении применимого

²⁶ См.: *Hondius Ewoud H. Standaardvoorwaarden*. Deventer: Kluwer, 1978. P. 434—435.

²⁷ О ситуации, когда общие условия сформулированы на нидерландском языке, хотя другая сторона не может читать на этом языке, см.: *Hondius E. H. Verbintenissenrecht*. Inzakeaf edition. Deventer: Kluwer. Art. 232 Para 7, Art. 233. Para. 277.

права. Во-первых, следует отметить, что Нидерланды ратифицировали Римскую конвенцию о праве, применимом к контрактным обязательствам²⁸. Эта конвенция не использует язык контракта в качестве связующего фактора при установлении применимого права. Но язык контракта может служить доказательством молчаливого выбора права в смысле ст. 3 упомянутой конвенции («продемонстрированного с разумной определенностью согласно условиям контракта»). Другое подтверждение значимости языка контракта для процедуры выбора права содержится в параграфе 2 ст. 4 Конвенции: язык контракта мог бы являться положением, которое вместе с другими положениями обуславливает вывод о том, что контракт, очевидно, теснее связан с другой страной, чем с государством, право которого применимо, если использовать нормы параграфов 1—4 ст. 4 («если из совокупности обстоятельств следует, что контракт более тесно связан с другой страной»). Наконец, язык контракта может играть роль в установлении (не)применимости специальных обязательных норм о трудовых контрактах, то язык трудового кон-

тракта прямо упоминается Поллаком²⁹ в качестве одного из индикаторов (не)применимости некоторых специальных нидерландских норм, защищающих работника.

Язык семейного права

Язык играет значительную роль в семейном праве, особенно когда соответствующие решения должны быть приняты в пользу интересов ребенка. Например, когда после развода родителей должен быть урегулирован вопрос о попечительстве. Если родители говорят на разных языках, а до развода дети получали образование исключительно на одном из этих языков, судья может принять во внимание (не)владение языком родителя. Указанное обстоятельство имеет меньшее значение в случае малолетства детей, которые легко привыкают к новому языку, но важно для определения наилучших интересов детей старшего возраста, которые имели бы трудности в случае необходимости изучения другого языка. Однако трудно представить себе решающую роль языка в рассматриваемой области.

Перевод с английского
д. ю. н., проф. Л. В. Бойцовой,
д. ю. н., проф. В. В. Бойцовой

²⁸ Rome. 1980, 19 June, OJ 80/934/ЕЕС.

²⁹ Сравните: *Maurice V. Polak. Arbeidsverhoudingen in het Nederlands internationaal privaatrecht*, Deventer: Kluwer, 1998. P. 100.

